

Михаил Табьяки
Владимир Волковец

от автора
Стихи

и немецкого
Встретимся

Встретимся
в августе...

15.10.14
г. Югорск

Издательство «РИО»

1994

ББК 84Р7
В67

Владимир Волковец

Стихи

Встретимся в августе...

Владимир Волковец живет в Ханты-Мансийском автономном округе, в Западной Сибири. То, что этот край, как люди, живущие здесь, ему не безразличны — убеждаешься, читая его сборник стихотворений.

Еще убеждаешься и в том, что он уже зрелый поэт со своим мировоззрением. Его поэзия превращает дни пасмурные, дни солнечные, так как от прочитанных стихов на душе становится светлее.

ISBN 5-900754-04-9

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИО», 1994

Поезд на Север, в нем больше мужчин,
В тамбуре дым коромыслом и споры.
Как тепловоз ни подталкивал к ссоре,
Не находилось весомых причин
Для неприязни открытой и вскоре —
Смотрим в окно и о разном молчим.

Солнце навывкат, а ночь назакат.
Утром приедем в свое захоlustье.
Дома и стены помогут нам лучше
Выяснить: в чем же я не виноват?
Но допускаю, что в приступе грусти,
Как ни хотел, говорил невпопад.

Я не подарок, и ты мне под стать.
Что без тебя мне пустая свобода? —
Между запоями злая работа —
Денег не будет — и книг не видать.
Но шелестит между нами природа,
И примиряет небес благодать.

Ветер в поселке гоняет песок.
В нем уживаются бабка в косынке
С золотозубым кавказцем на рынке,
С желтою дыней — моркови пучок...
Впрочем, поселок живет по старинке,
Зная, что бедность еще не порок.

Времени будет, как солнца, в обрез —
Вдоволь опят и брусники навалом.
Ливень блеснет мелкозубым оскалом,
Зябко поежится утренний лес.
И налипает к подошвам усталым
Глина — замазка на ощупь и вес.

На подоконнике кустики брызг —
Самой промозглой погоды рассада.
И донимает глухая досада,
Не потеряй, что терять не привык.
Только имеет ли силу возврата,
Сердцем потерянный, общий язык?

Дальше от лета, тем ближе к жилью
Скороговорки сорок на заборах.
Гаснет вчерашнего шелеста ворох.
Я просыпаюсь и все-таки сплю,
Припоминая, в каких разговорах
Я утверждал, что тебя не люблю.

Совість замаяла и неспроста.
Мог бы терпеть я и больше гораздо,
Лишь бы и ты понимала прекрасно,
Что паутина сверкает с куста,
Зеркальцем грубо раздавленным, раздро-
бив
Отраженье лица ли?... листа?..

Болото

Обобрано, истоптано — живо еще, —
Облизывая клюквины с боков,
Лежит упругошерстное чудовище
На тюфяке спрессованных веков.
К нему сбежались сосны низкорослые
И карликовым ставший березняк,
И облака пузатые и грозные
Вчера к нему спешили натошак.
Из любопытства осень нас забросила
На клюквенную ярмарку взглянуть.
Шагаем по замшелой глади озера,
Где прежде отражался Млечный путь.
Оно вплотную влагою напитано —
Не зачерпни излишек сапогом!
Что слышано, что ведано, что видано —
В мешке его зыбуче-моховом.
И никому — какие тайны собраны? —
Не разглядеть сквозь торфяную тьму.
Кончается откосом во все стороны,
Но речкой начинается в одну.

Листья для последнего помола
В колею намяло, намело.
И торчит над шляпой мухомора
Иван-чая дерзкое перо.
Тающе похрустывает ягель.
Короеды в чаще сентября
Начинают от студеных капель
Глубже замуровывать себя.
Надышался жарким и зеленым,
Насмотрелся в даль и глубину.
Почему ж опять неутоленным
По листве разбрызганной иду?
Все понятно и необъяснимо,
Все знакомо и как в первый раз —
Инеем подернулась низина,
Лиственница в ельнике зажглась.
Забрести в дремучее, глухое,
Где тайга подспудное хранит.
Может там поведает такое,
От чего и смерть не оградит.

Карликовые березы

Осень в карликовых рощах
Та же, что в большом лесу.
Листья с заячий горошек,
Паутина на весу.
Как по-взрослому поникли
Деревца, решаясь вброд,
Выйти с веткою брусники,
Горстью клюквы из болот.
Не подняться на откосы
Им из гибельного мха.
На своих сестер, березы,
Не смотрите свысока!
Ломки заросли густые,
Цепки ветви — не пролезть,
Но зато в жару какие
Подберезовики здесь!
А на мятном солнцегреве
В самом горьком сентябре
Радость тише, грусть добрее,
Справедливей жизнь к тебе.

Как шарик термометра,
Солнце все ниже и ниже.
И кружатся по ветру
Листья, а ночью они же
Встревожат бессонницу
Шелестом писем и крыльев.
Не скоро опомниться
И задремать, обессилев.
Когда с подоконника
Брызнет будильником солнце,
Оглушая комната
Станет осмысленно емче.
От долгой беспечности
Будит веселая ярость,
Что воли и вечности
Только на душу осталось.

* * *

Снова с августа, почти
До зимы творожной,
Через край лились дожди,
Через мой, таежный.
Замыкались провода
На звезде вечерней.
Искры сыпались тогда
За листвою осенней.
Листья сыпались, и мерк
Свет в округе нашей.
А наутро грянул снег,
Самый настоящий.
День и ночь, из тьмы во тьму
Шел без передышки,
Точно не было ему
Ни дна ни крыши.

Четыре осени

* * *

Деревья бегут на юг,
И на огородах пусто.
Так невыразимо грустно
По этой причине вдруг.
А тучу исподтишка
Ветер поманит пальцем,
И загорит румянцем
Картофельная щека.
Неделю в седой пылице
Рябины тугие грозди.
И заржавели гвозди,
Забутые на крыльце.

* * *

Сорвался шелест с дерева,
С рябого сентября.
Глядят дома потерянно,
Не узнают себя.
Ржавеет лист по рытвинам
И воздух невесом.
На повороте бритвенным
Полосонет ледком.
И срежет паутинную
Надежду — жить да жить,
Пока тревогу зимнюю
Ни вспомнить, ни забыть.

* * *

Поматовела сырость,
Прояснилась вода
И листьями прикрылась,
Не дожидаясь льда.
А ветренное утро
Шершавей кирпича.
И грусть такая, будто
С отцовского плеча.
Поблескивают спицы
В пауческом колесе,
Где стрекоза пылится,
И жизнь на волоске.
Еще мелькнула стая —
Оборванная нить...
И жажду состраданья
Ничем не утолить.

* * *

Смех облетел, словно листья.
Стали серьезными лица.
И в глубине твоих глаз
Долгая осень зажглась.
Стали зависимы что-то
Мы от ненастной погоды,
Тягостны серые дни.
Только пройдут и они.
Выяснит душу предзимье,
Но и оно лишь предсинье.
— Осень, — вздохнешь, а сама
Все понимаешь — зима.

Закат добавил меди
В осенний шелест крон.
Мороз. На лужах сети.
Торчит звезда колом.
Беспечно шли, смеялись
Легко, а между тем
Забывчиво касались
Таких сердечных тем,
Что с каждой минутой
Терял душевный лад
И наполнялся смутой,
Которой был не рад.
Не ожидал, отмучась,
Что захлестнет опять
Безвыходная участь —
Спокойствия не зная.
И темень навалилась,
Расплющила закат.
Я б счел за справедливость
Отдать ему за так
То давнее, что долго
Не в силах превозмочь.
Пускай вернется только
Уменьше слушать ночь.

* * *

Озеро дымчато. В инее весла.
Лес позабыл о вчерашних грибах.
Лужица в шляпе волнушки замерзла.
Остекленели опята на пнях.
Пух иван-чая и мысли о снеге,
Даже опушки обсохнут когда,
Не растворяются, плавают в небе,
Стынут на кромке прибрежного льда.
В почках заложен заряд ожиданья.
Смутно забудусь — повеет весной.
Лодку качнет силой воспоминанья,
В берег ударит хрустящей волной.
В ночь онемееет студеная заводь.
И мирозданье сомкнет берега.
Будет ли помнить озерная память
В лодке двоих и над ней облака,
Стаю гусей и чащоб конопатость?..
Чтобы однажды, вернувшись сюда,
Нас покачнула обманная радость,
И отражения всплыли со дна.

Приятель

Всю жизнь упрямо колесит
По северному краю.
Ничем всерьез не дорожит
И чем живет, не знаю.
До денег вроде не охочь,
Нет ни жены, ни дома.
В дороге — день,
В общаге — ночь.
Характер крепче лома.
Какой же грех его гнетет,
Что он на сердце прячет,
Когда нещадно водку пьет
И песню горькую поет,
И втихомолку плачет?

Из лета, бродя налегке,
Вернуться пустым нелепо.
Просветы в тяжелой тайге
Корнями уходят в небо.
Я к людям настолько привык,
Насколько они к деревьям.
Приклеила осень ярлык
Бродяги,
и с недоверьем
Косится грибной народ,
Корзины держа пудово:
А он-то чего несет?
Скажу — потеряю снова.

Небо

Ночное бездонней дневного.
Попробуй, тоску утоли,
Когда притяжение слова
Сильней тяготенья земли.

* * *

Дом вздрагивал,
 вполголоса
Печной трубою выл.
За два часа до поезда
Я двери приоткрыл.
Зима!

До детства самого
Бездомностью прожгло.
Теперь начать бы заново,
Что было да прошло,
Что мучит болью жалости,
Отчаянья почти...
Но сколько беспощадности
В глазах твоих: иди!
Так много снега выпало,
Так хладнокровен свет,
Что просто нету выбора,
Куда вести свой след.

* * *

Если ржавый гвоздь посеребрен,
В гнездах тишина зазимовала,
Звездная мозаика окон
До весны единственной стала.
То куда б ни шел — не дохожу,
Где бы ни бродил — иду по краю,
Что бы ни искал — не нахожу,
С кем не повстречаюсь — не узнаю.
Далека зима, а между тем
По ее негласному указу
Лес раздели — дом лишили стен.
И со всех сторон я виден сразу.

* * *

Душа не спит, а волком воеет,
Когда на миг забудусь сном,
Совсем не ведая о том,
Как это близких беспокоит,
Пока внезапно не проснусь
От крика, выдшего наружу.
Кто это был? — спрошу я душу.
Шагну за дверь и оглянусь
На плач жены, на оклик сына,
На взгляд дочурки. И пойму,
Как страшно и невыносимо
Им жить со мной в одном доме.

* * *

Этой женщине за сорок.
В доме — покати шаром:
Ни варений, ни засолок,
Завтрак — кофе с сухарем.
Завсегдатай общепита,
Вечно чья-нибудь жена,
Суетлива и несыта,
Ни в кого не влюблена.
Кружат сплетни, анекдоты
И вранье, как воронье.
Не искал ей бог работы,
Черт старался для нее.
С ней начальство,
 как со стервой
Обращается, когда
Утром грязью липко-серой
В душу глянет пустота.
И пропахнет все постелью —
Лес осенний, первый снег...
Кто живал однажды с нею,
Не отмоется вовек.
Кто она? Зачем? Откуда?
Где ее родимый дом?
И сама она, приبلуда,
Век не вспомнила б о том
Да письмо легло на сердце —
Мать в деревне умерла.
Захотела разреветься —
Не сумела, не смогла.

Упругие потемки.
И ветер волокнист.
Штакетник из поземки
Вычесывает свист.
Пускай весна не взыщет,
Что с нею невпопад
И холоден, и взрывчат
На перекрестках март.
Я сам еще во власти
Вчерашних неудач.
С друзьями по-февральски
Порывист и горяч.
Сочувствиям не верю,
От хохота — бешусь.
И только ночь за дверью
Запомню наизусть,
Когда уйду в потемки,
Не уступив друзьям
Того, в чем должен только
Я разобраться сам.
Кружить по тропам тесным,
Смирняя горький бег.
И, уступая встречным,
Проваливаться в снег.

Бобыль

А когда один остался,
Самому себе чужой,
Перед миром растерялся —
Ничего нет за душой.
Рассосалась злая память,
Недовольство серых лет,
Мхом оброс тяжелый камень —
Средоточье давних бед.
Ликом вылинял в погоду,
Сердце выстудил насквозь.
И уходит, будто в воду,
В душу брошенная злость.
Равнодушие и смирение
Заселили молью кров.
Расцвело в тебе растение
Без колючек и шипов.
Беззащитна оболочка.
Непогода рвется в дверь.
Нагляделся на цветочки,
Глянь на ягодки теперь.
Заполняет жизнь лесная
Огород и двор пустой.
Кружит ворон, задевая
Дым холодный над трубой.

Санаторий

Живу как бог, почти на небе,
На двадцать третьем этаже,
Совсем не думая о хлебе,
Как и об отдыхе уже.
Когда подножье ночи южной
Покрыто плитками окон,
Идет из памяти недужной
Какой-то гул со всех сторон,
И дождь в окно, и запах яблок,
И звон осы, и стон сосны...
И вместе с морем с боку на бок
Ворочаюсь, катая сны.

Молния слепяще разорвала
Сбитые громами облака
И мгновенно перешнуровала
Бледные от страха берега.
Губы онемели, сердце сжалось,
И паук повис на волоске
От грозы, что снова удержалась
На однажды взятой высоте.
Слышу градобойные раскаты,
Вижу вспышки беглого огня...
Ох, эти военные рассказы,
Выбили бесстрашье из меня.

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Еще одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Еще одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба
И вывихнуты рамы.
Еще одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша —
Ответы непростые.
Еще одна душа
Заплачет о России.

Ночь стоит на полуслове, полумысли,
Как стихи, что я оставил дозревать.
Были строки полуночные да вышли
То ли в поле, то ли к речке погулять.
Сколько времени пропето и пропито,
Поразбросано, попробуй, расскажи.
В небе светит искра божия — спасибо,
Не дает терпеть ни подлости, ни лжи.

Железо

По горбатым полям Дубосекова
Ходят были о прошлой войне.
Обойти бы окрестность, да некого
Попросить в провожатые мне.
Да и северный ветер немилостив.
И впечатаны в красный закат
Силуэты гранитных панфиловцев,
Что сказали: ни шагу назад.
Я вчера между клубней картофеля
Отыскал, разбирая ботву,
Тот осколок железа, которое
Беспощадно рвалось на Москву.
А за полем низину неторную
Одинокю просек наугад
И наткнулся на яблоню черную,
И открылся мне вымерзший сад.
На одном только деревце листьями
Ветвь шумела, на ветви одно
Зеленело боками росистыми,
А на вкус было терпким оно.
Загадать ли о чем на звезду мою? —
Безответна вечерняя высь.
То о жизни погибших подумаю,
То о смерти, рождающей жизнь.
Цвет заката, железа и окиси
Холодит и горчит на губах.
Даже яблоко, плод этой осени, —
Заржавелый осколок в руках.

Сапер

С нервной улыбкой, калечащей рот,
Он по седьмому десятку идет.
Китель навыворот... Об этом молчок.
А в сапоге осипевший сверчок.
Встанет под окна, шатает забор...
Под Сталинградом ошибся сапер.
Смерть оттолкнул и навек онемел...
Машет рукой, отрывает от дел.
Душу тиранит, зовет по грибы:
Нынче маслят хоть лопатой гребни.
Как отказать?
Между сосен и лип
Режем с ним рыжики на перешиб.
Вон под сосенки нырнул...
И каков!
Вынес масляток — сто пятаков.
Следом скорее.
Вынес назад
Восемь копеек — восемь маслят.
Сядем в тени и дышим в небеса.
Уши не видят, но слышат глаза,
Как муравейник под боком кишит,
Птица поет и береза шумит.
Там, на уродливо-страшной войне,
Не о такой ли мечтал тишине?

Голос

— Не читай газетной пены,
Не пиши на злобу дня —
Скоро стихнут перемены,
Будешь вспоминать меня.
Человека не исправить,
Значит нечего и лезть.
Были, есть и будут зависть,
Склоки, ненависть и лезть.
Ты в душе не разуверься,
Не вноси в нее разлад ...
От тугих ударов сердца
В доме стекла дребезжат.

— Вы рабы и ваше место на погосте,
Не поднять Россию нищую вовек, —
Говорил, слюною брызгая от злости,
Иудейно убежденный человек.
Он плевать хотел на русские святыни,
За границу бы ему и все дела.
— Мать-Россия, для чего такого сына
Ты кормила, согревала, берегла?..

Крестьяне, мещане, дворяне.
А нынче, кого ни спроси,
Дворяги, дворяги, дворяги
Снуют по великой Руси.

Дельцы, проходимцы, прохвосты.
Их как ни выстраивай в цепь
По жадности, весу и росту —
У всех одинакова цель.

Покуда смятением и смутой
Охвачен безмолвный народ,
Обманывай, спаивай, путай,
Хватай и бери в оборот.

За деньги к любому орешку
Находят пути без преград.
С осенней листвой вперемешку
Родные червонцы летят.

ВОЖДЬ

Толпа желает стать народом.
Народ не хочет быть толпой.
И год от года, год от года
Мрачнее небо над страной.
Растет чернобыльская яма,
От гари кашляет Урал...
Вождю на митингах упрямо
Толпа поет: Ура! Ура!
Его слова пьяней отравы
Для тех, кто низок и жесток.
Вожди всегда толпою правят.
Народом правит только Бог.

Чужая память

Вошел в чужую память
И о себе забыл.
Я вместо сердца — камень
Бестрепетный вложил.
И с умилением тихим
Внимал речам твоим,
То сумасшедше диким,
То беспросветно злым.
Пройдя сквозь униженье
Военных лагерей,
Ты проклинал смиренье,
Чем жил до этих дней.
И справедливым светом,
Как гневом озарен,
Ты знал не по газетам
Сибирских копей стон.
Твоя живая память
Всадила кулаком,
И раскололся камень,
И кровь забила в нем...
Заполнились предсердья,
И вены напряглись.
Не надо мне бессмертья,
Пока бунтует жизнь.

Инвалид

Приколачивает пыль
За дворовую площадкой.
На одной ноге — костыль,
На другой — сапог солдатский.
К новостройке тополя
Привезли, свалили кучей.
А на улицах — пора! —
Для весны не будет лучшей!
Ямки выкопал, потом
Деревца, держа неловко,
Засыпает сапогом,
А костыль — его трамбовка.
Оглядел, как лейтенант,
Не без удовлетворенья,
Одноногих тополят
Майского подразделения.
И опять стучит костыль,
И скрипит сапог солдатский.
Стыдно из своих квартир
Выйти некоторым штатским.

Улица

Сумрак улицы засеян
Меж корявых тополей
Справа — красной,
Слева — белой
Вереницею огней.
На рябом асфальте — серый
Под колесами хрустит.
И порожнею цистерной
Ночь над городом гудит.
Небо окнами забито.
Клин осенних фонарей,
Не теряй меня из вида
В суматохе площадей!
Натыкаюсь на бездушье,
Запинаюсь на углах
На кричащих, на идущих,
На людей в очередях.
Где же поля белый парус
Над излучиной реки?
Сычеглазый мой «Икарус»,
Не толкайся, помоги,
Увези в кромешный холод,
Выбрось в поле наугад!
Как реке, попавшей в город,
Чистой выбраться назад?

* * *

В столичной толкотне
Растрянного дня
Вдруг показалось мне —
Окликнул брат меня.
Я не поверил в то,
Не посмотрел назад.
Но как хотелось, чтоб
Меня окликнул брат.

* * *

Вращаясь циркуляркой
Над площадью,
 фонтан
Отрезал гомон жаркий,
Что плелся по пятам.
Под морозящей тенью
Я мог, но не промок,
Забрызганной сиренью
Застигнутый врасплох.
Так живо удивили
Цветы, росой слепя,
Что под налетом пыли
Я вновь узнал себя.

Москва

Прощай! И все, что за спиною,
Внезапно стало далеко.
Что находил с трудом весною,
Теряю осенью легко.
Искал тайгу в почтенных парках,
Луга — на клумбах площадей.
Не узнавал, на вещи падких,
Людей в цепях очередей.
Не обивал пороги комнат,
Что смотрят окнами на юг.
Где зеркала меня не помнят,
Там женщины не узнают.
Пора, печали не развеяв,
Не умножая праздных дней,
Вернуться к лесу от деревьев
И к человеку от людей.

* * *

Июнь и юность. В холодке
Вздыхает впалая палатка.
Барахтается жук царапко
В лениво сжатом кулаке.
Гудит из раструба вьюнка
Шмелиный баритон натужно.
И торопить судьбу не нужно,
Когда любовь совсем близка.
Она, кухарствуя для всех,
Одна прекрасно понимает,
Кому ответно отражает
Березово-озерный смех.

* * *

Обнимешь люто лунный
От лютиков откос
И кипень каши юной
С ромашками вразброс.
Июнь, ни капли смысла
Не растеряв, сберег
В сверканье пересвиста
Забывтый мной восторг.
Не думалось, не снилось,
А вспомнилось: скажи,
Твое ль во мне хранилось?
Мое ль в твоей глуши?

Шумит лесное время,
В котором те сильны,
Что, говоря, со всеми,
Самим себе верны.

* * *

Жар с еловым холодком,
Ливень с травостоем,
Земляника с молоком,
Чай со зверобоем.
В разговоре мужиков
От покоса жарких
Растворялся гуд жуков
Пуговично-ярких.
Мы зависимы, от нас
Ясный день зависим?
Ни беды, ни хмурых глаз,
Ни залетных писем.
Только грозы за холмом
Копят злые силы.
Значит что-то есть, о чем
Мы совсем забыли?
Будь что будет, а пока
Зря ты сердце маешь.
Я раздую облака —
Снова нагоняешь.
Не тревожься, не кори,
Мы со всеми квиты...
И слетались комары
На жужжанье бритвы.

* * *

Раздвинь травостойные дни,
Устами к июлю приникни
И в липовый лист заверни
Пахучую горсть земляники.
Вечерняя зыбь духоты
Лучами нарезана тонко.
— Пора, — говоришь, — уходи.
И платье оправила только.
Я вымок, продрог и просох,
На озере ночь коротая,
Как звезды, огонь и песок,
И ветер, любовь принимая.
Июль посредине открыт.
Дорога закладкой лежала
Меж озером темным на вид
И лесом прозрачным от жара.
И снова в траве наугад
Тонули, сбегая с откоса.
Пока не открыло до пят
Обоих волной сенокоса.

* * *

Растерялась? В хвойном ветре
Замелькали иглы капель.
Вековой нарост на кедре
Медвежонком ствол облапил.
Зацепила туча краем
И ушла, располовиня
Зной, гудящий разнотравьем,
Тонким частоколом ливня.

Слева — брызги иван-чая,
Справа — из последней силы
Шмель буксует, увязая,
В духоте цветочной пыли.
И молчишь? Смешно и горько
Жить в раздвоенности, зная,
Что у грусти и восторга
Суть одна — душа живая.

* * *

Отзвучат твои шаги
На заре
Тротуаром в три доски
До-ми-ре.
Разлетятся под откос
С городьбы
Вместе с ворохом берез
Воробьи,
Тучи воду принесут
В решете,
А сороки — бабий суд
На хвосте.

Тропа

На озеро, на озеро
Веди меня судьба,
Где тишина березова,
Плескуча, голуба.
Покрыты рыжим войлоком
Узлы тугих корней,
И веет мятным холодом
От трепетных теней,
Где от дождя вчерашнего
В пупыринах песок.
Как мимо очень важного
Пройду наискосок
От берега в черемухах,
От памятной весны.
Нет ничего в них, кроме как
Отчаянной вины.
По радостям, по горестям,
По хвое на корнях,
По дорогим подробностям
Петляю впопыхах.
И рвусь, и рвусь из зарослей
Накопленных невзгод,
Что ловят сетью марлевой
Устало-горький вздох.
То скопом, то разрозненно,
То грусть, то злость, то боль...
Скорей, скорей на озеро,
Где был самым собой.

* * *

Ал. Губанову

Шелестящего цвета стрекоз
Друг за другом прошли грибные...
И в прогалинах лесополос
Замелькают корзины отныне.

Не аукался б пришлый народ,
То совсем была б тихой охота.
Только шелест листвы, только под
Сапогами хрустящее что-то,

Только дальнего поезда стук
Отзовется забытою скукой,
Только сумрачен день, только друг
Молчалив, словно перед разлукой.

Примирение

Прости, мы оба хороши.
Не дуйся, сделай паузу.
И камень, что упал с души,
Ты не клади за пазуху.

* * *

Свернул за угол в белый сполох
Дремотно инистого дня
И гул, что шел со мной бок о бок,
Надолго потерял меня.
Втянул безлюдный переулок,
Неоскверненный вороньем,
Из суматохи, шуб и сумок,
Где хам торгуется с ворьем.
Где разнопестро и нелепо
Торчат киоски-терема...
— Как хороша, — вдохну я неба
И облак выдохну, — зима!
Не тишь мужественно ясной,
Обдало сердце чистотой.
Казалось, встретился не я с ней,
Она искала встреч со мной
Среди базарной громкой мути,
Где заправляет ложь и блажь,
Где этой благостной минуты
Вовек не купишь, не продашь.

* * *

Сомкнулись берега
Над жилкою теченья.
Остановись, мгновенье! —
И замерла река.

И лес увяз в снегах,
Раскрашенных закатно.
И я застыл внезапно
Со словом на устах.

Но белый сумрак дня,
Перетекая в синий,
Осыпал с ветки иней
И расковал меня.

Очнулись облака,
И мир пришел в движенье...
Остановил мгновенье,
А замерли века.

Зимние письма

Протерлась на сгибах зима,
Поля расплзаются, словно
Остатки большого письма,
В котором не помню ни слова.
Вернее, в нем строчки слились
С испуганным почерком веток
И утренней вестью синиц
В неволе тетрадных клеток.
Касаясь судьбы, не вчера ль
В ушах твои письма свистели,
По краю катился февраль,
И мы управлять не умели...
Весна до беды не дошла.
Мы с ней разошлись в интересах
Под сеткой ночного дождя,
Наброшенной на перелесок.
Покуда ночь глухонема,
Уставлюсь в забытое взглядом.
И слух громовая зима
Закладывает снегопадом.
Опомнюсь — зари пересверк.
И выйду из памяти зимней —
Навстречу покатится снег
Слепящий, густой, тополиный.

* * *

Скомкаю лист — невеселая проза.
Белая... алая... черная роза.
И в кулаке хрупкий пепел сожму.
Что пережил, не узнать никому.
Пепел развею...

И снова за нею,
Горькой любовью, бедою моею,
Света не видя, не слыша ночей,
Может последнею в жизни моей.

* * *

Засвистят осины,
Зашатают тьму.
Феврали в России —
Сквозняки в дому.

За печною дверцей
Пламя кувырком.
Обжигает сердце
Нежным холодком.

С лопаты снег — охапки дыма —
В тугих потемках нарасхват.
Перелицовывает зиму
Февраль.
И сам тому не рад.
Свистят обочиной воронки.
То складка снежная, то плешь.
Не обошлось без поговорки —
Семь раз отмерь, один — отрежь.
Не дело в пору суматохи,
Чтоб только душу отвести,
По снеговертке без дороги
Куда глаза глядят брести.
В такую ночь не перепутай
С наукой кройки и шитья
Свою наполненную смутой
И далью память февраля.
В ней не убавить,
Не прибавить.
И потому не по себе,
Когда начнет метаться память
По свежескроенной зиме...
Давно затишье над округой.
А в памяти все вкривь и вкось,
Что поднялось с ночною вьюгой,
Но вместе с ней не улеглось.

На даче

Забредая в снеговал
Пригородной темени,
Я тебя не узнавал
До поры до времени.
И не мог тебе помочь
Позабыть вчерашнее,
Где была метельной ночь
И многоэтажнее.
Потому не мог понять,
От чего на нежности
Осторожности печать
И пугливой спешности?
Почему томит болезнь
Суетного гомона?
Кроме электричек здесь
Ничего знакомого.
Шарим по дому впотьмах
Тихие, разутые.
И страшит тебя не страх,
А его отсутствие.

От молвы, от суматохи, от семьи
Укрывает лес, уводит нас дорога.
— Что с тобою, дорогой?..
Как ни темни,
Заблудились мы, запутались немного.
Как по адресу, по августу ведешь.
Отцветает день и онемели птицы.
Наверху уже стучится хмурый дождь
И покуда сквозь листву не просочится,
Вперемешку с окаянною виной
Дышим памятью и почвою отмяклой.
— Что с тобою дорогая?
— Что со мной?..
Полоснуло по щеке стыдящей каплей.

У костра

Дым и ветер снеговой.
На краю поселка,
Как на свадьбе молодой,
Весело и горько.
Ничего понять нельзя —
От сырого дыма
Или холода — глаза
Щиплет нестерпимо?
Черно-белая весна.
День расчерчен косо.
Что задумалась, жена,
Вытирая слезы?
Или вспомнилась опять
Давняя обида,
Что не может запылать
Наш костер открыто?
Ты молчишь, и я не рад.
Дым клубится низко.
Хоть бы слово, хоть бы взгляд,
Озорная искра.

Такой мне сон вчера приснился:
Я умер, а старик родился —
Усы густые, спелой ржи.
Ты помнишь ли меня, скажи?

Идет, подергиваясь нервно.
Сейчас оглянется. И верно,
Взглянул; усмешку отстраня:
Скажи, а помнишь ты меня?

Когда, когда же это было?
Есть где-то и твоя могила.
Там тело, бросившее нас
В который раз? В который раз...

* * *

Евг. Вдовенко

Прошла зима, еще зима, еще, и
Ударило веселым ветром в щеки,
Пшеничным жаром жилистых досок
И бревен, навороченных горбато
Под кранами запущенного склада,
Где навести порядок недосуг.

Тощает лес, зато жиреют свалки,
Где бродят очумелые собаки
И воронье, как мухи на дерьме.
Но сколько можно говорить об этом!
Я дома. Курим с пожилым поэтом
И радуемся тающей зиме.

А заодно распутываем снасти.
Поскольку не предвидится ненастье.
И голубы окрестные снега.
Решили на попутках спозаранку
Умчаться на подледную рыбалку...
На рынке нынче рыба дорога.

Но гонит нас, что рыбы подороже...
Нарубим елок-палок, в кучу сложим,
Костер затеем прямо на снегу.
Невольню посветлеет сочный сумрак,
И полетят, и полетят из лунок
Ерши в котел и окуни в уху,

Куски картошки, луковица с перцем,
Лавровый лист. И по сто грамм с прицепом —
Перекипает варево в котле...
Подумаем, но говорить не будем,
Что кроме быта и немилых буден,
Есть звезды, лес и речка на земле.

Что это все вошло однажды в душу,
Щемит в груди и просится наружу,
Бросая то в отчаянье, то в дрожь.
И веришь, не стихами, миром правишь,
Который внукам навсегда оставишь,
С которым плачешь, мучишься, поешь.

В столе томятся грустные поэмы.
А если не востребует их время?
А внуки — старомодными сочтут?
Тогда чем оправдаешь перед Богом
И пьянство, и скитанья по дорогам,
Бессонницу и горестный уют?

О время, время! Как же ты жестоко!..
Но только солнце брызнуло с востока,
Лучами иглы сосен удлинив,
Заставило — какое из мгновений? —
В предчувствии духовных озарений
Тебя уединиться, все забыв,

В сиянии, миллионами воспетом.
И не понять: на том или на этом
Прекрасном свете, дорогой чудак,
Бормочешь и бормочешь мысль простую,
Что ничего не может быть впустую,
Бессмысленно, напрасно, просто так...

Забреду из предвечерья
И присяду налегке
Между форточкой и дверью
На вокзальном сквозняке.

С улицы — весенний воздух
Пухом выбелил стекло.
В небесах от путеводных
Звезд тревожно и светло.

За дверями — блики света
Потянулись полосой.
Эх, не подо мной планета
Завертелась колесом.

Может все-таки рвануться
Вместе с женщиною той:
Побежать, догнать, споткнуться
И отстать, махнув рукой?

А потом свою потерю
Разделить накоротке
Между форточкой и дверью
На вокзальном сквозняке.

Безногий дед сидел на берегу.
Вода вечерней ясностью дышала,
Покачивая первую звезду...
Не это я представить не могу,
Другое бесконечно потрясало:
Уйду, вернусь и снова подойду.
А ног его вода не отражала.

Ушел побежденным,
приник
К окну, беззащитно усталый.
И наполовину, пожалуй,
Тебя уже нет среди них,
Где чаще не цельность души —
Заботит нацеленность слова.
Победно притихли.
И снова
Заточены карандаши.
Когда возражаешь опять
Воинственно-наглой дружине,
Как бьешь по упругой пружине.
И зла не хватает —
сломать.

Охотился на зверя,
Рыбачил на Оби.
Твои дороги, верю,
Сложней моей судьбы.

К породе неудобных
Причислен неспроста.
Но ты себе подобных
Сторонишься всегда.

И держишься поближе
К тому, кто тих и прост,
А не такой, как ты же,
Расчетливый прохвост.

Насколько ни раскован,
Скрываешь интерес,
Что никому за словом
В карман я не залез.

Пою, брожу по лесу
И пью, когда хочу,
И то, что мне по сердцу,
Тебе не по плечу.

Покуда птичий гам
Листва не заглушила,
Сверкает по утрам
Лед свежего настила.

Он ломко-леденцов,
Пока ивняк над кручей
От холода пунцов,
А ельник туча тучей.

Но прошлогодний лист
Прокусывают травы,
Идут на страх и риск,
И нет на них управы.

Встает трава, и мне
В работе беспросветной
Достаточно вполне
Уверенности этой.

Морозило, морозило, но потеплело чуть —
Поземка заелозила, переметая путь.
Дороги перепутала, а унялась когда,
То в колее захлюпала, зашмыгала вода.
И стали пары хаживать, обочины держась,
Машины притормаживать, заруливая в грязь.
Отсыпал по окраинам черемуховый смех.
Родная, не пора ли нам за дело браться, эх...
Не злясь на одиночество, по мере сил прнять,
Что сына, как ни хочется, в дому не удержать.
Пускай дрова не колоты, не вскопан огород,
Мы тоже были молоды, теперь наоборот.
Любовью огорошенный не сможет нас понять.
Еще колун, им брошенный, я сам могу поднять

По весне идет последний снег
Шаркающе-шлепающим шагом,
Бомж неприхотливый, на ночлег
Стелется по рощам и оврагам.

Безысходной думой заражен,
Старомоден, скучен, неопятен.
Миром обновляющимся он
Недоволен тем, что непонятен.

Не коснувшись плеска мотылька
И шмелиной тяжести соцветий,
Растворится в небе родника
Неприступным холодом созвездий.

Маневровый

Тревожней весна, ощутимей.
Стремительней эхо колес.
Парами оплавленный иней,
Ветрами обдутый откос.
Платформы, набитые лесом,
Вагоны с мукой и углем
Тасует по вытертым рельсам,
Толкая, то задом, то лбом
Железный дорожный трудяга.
Немного в его голове
Мудреных извилин, однако
Ему их хватало вполне.
А тут поменял машиниста
И сам себя не узнает:
Бегут с нарастающим свистом
Составы и зависть берет.
Куда они?
Следом бы смело
За скорым рванул напрямик,
Но стрелочник, знающий дело,
Его переводит в тупик.
И нету безвыходной клетки,
Приказов — вперед и назад.
И нету надежды, что стрелки
От жалости забарахлят,
Когда вдалеке затененном,
Где сходятся рельсы на нет,
Зовет, будоражит зеленым,
Весны нарастающий свет.

Ранняя весна

памяти Виктора Интяпина

Там жмурит мать-и-мачеха свои
Желтки кошачьи, там еще спросонок,
Как нитки, замотались муравьи,
Никак не разберут своих иголок.
И сохнет настороженная хмарь,
И тишина стоит, как по отвесу,
И беззащитно царствует глухарь,
И белый заяц мечется по лесу.

* * *

Щетки лиственничных почек
Станут кисточками быстро.
И крыла свистящий отчерк
Перебьет прицельный выстрел.
Травы стелются полого.
За ручьем, ручей — за снегом.
Если б знал, что нету бога,
Не расстался с человеком
На реке, на самом крае,
С тем ружьем, что с перепуга
Раз в году само стреляет.
Если б знал бы...

А покуда

На костре готовим пищу
И ночуем, где придется.
И дорогу зря не ищем,
Позовем — сама вернется.

Сумерки

И только затаю дыханье,
Чтоб не пошевелить теней:
Стоят подснежники в стакане
Апрелем в комнате моей,
И только музыки —
Озвучить
Томительную радость — нет.
И лягу спать.
И только мучит
Подснежников пахучий свет.

* * *

Зима, едва в подлеске синем
Сгустился птичий пересверк,
Оставила в гнезде грачином,
Яйцом невыведенным, снег.
И подалась на север, зная
С какою яростью шальной
Весна расхлынется, сжимая
В одно — пережитое мной.
Где одинаково любимы
И вдохновенно сроднены
И дым, и родинка рябины,
И даль, и взгляд моей жены...
О память! Птицей поднебесной
Одновременно мы кружим
И над раскованною бездной,
И отражением своим.

Половодье

Копны плавают по небу.
Облака стоят в кустах.
Привязали к лодке вербу
И задумались впотьмах.
Ты вольна и несвободна,
То нежна, то зла со мной
Посредине половодья
Между небом и землей.
Я и сам еще не в силе
Рассудить весну свою:
Над бугром плыву я или
Над распадиной стою.
Вот уйдет вода большая,
Оползет по городьбе,
Беспощадно обнажая
Все подробности в судьбе.
И тогда увижу смело,
Что напутала весна,
Где обманывали мели,
Где страшила глубина.
А пока — в объятьях руки
До отчаянья туги,
По поселку ходят слухи,
По воде идут круги.

ХУДОЖНИК

Листвой июнь заволокло.
Напористо гудя,
В ручьи сплеталось волокно
Наклонного дождя.

Звенел, невидимый впотьмах,
Разбуженный комар.
Разбух и защебил в щелях
Крапиву тротуар.

И червь из-под его досок
По крапинкам песка
Вытягивался, как сосок
Весеннего ростка.

Слепая жажда рисовать
Приковывала взгляд:
Закат и листья, и опять
За листьями закат.

И нить стеклянного дождя,
И сосен вертикаль...
Во всем счастливо находя
Основу и деталь.

Эскиз: разбег карандаша,
Нечаянность пятна —
И обозначена душа
Большого полотна.

Пропал с головою в траве,
В болотисто-душном тумане.
А вышел с ужом в рукаве
И мокрой лягушкой в кармане.
Ужа отпустил в огород
По просьбе старух боязливых.
Проверить — умрет? оживет? —
Лягушку закрыл в холодильник.
Сидит и живой организм
Цветка ковыряет иголкой.
Он-мальчик, соскучиться с ним
Возможно незрячему только.
Не трогай! В живое! Иглу?
Такого не выдержат нервы.
А он уже ловит пчелу.
— Как больно ужалила, стерва!
И крылышко смотрит на свет,
Подробно исследует жало.
В нем дремлет пыливый поэт,
Когда б проняла его жалость.
Тоскливая жалость, сестра
Всевидающего состраданья.
Без этой основы добра
И жизнь постижимая тайна.

Как ни часты дожди,
Им не вычесать все же
Той взрывной щебетни,
Той рассыпчатой дрожи,
Что сверканью сродни.

Май перенаселен
Разнопестрою жизнью.
И мою взял в полон,
Взял, как дикую вишню,
Брошенную селом.

Лесу век не везло,
Вырубали упорно.
Нынче время пришло —
Сам упрямые корни
Запускает в село.

Так и будет, когда
Правит молодость лесом,
Нежность — силой дождя,
А рабочим железом —
Не слепая нужда.

Время всех одарит
Примиреньем на свете
Там, где радость творит,
Там, где нежность в ответе,
Если сытый не сыт.

* * *

Зной, разорванный составом
Вновь сомкнулся невесомо.
И вернулись к душным травам
Сонмы пестрых насекомых.
Уж, что нежно раздремался
На шпале сухой и чудом
Лишь на ось не намотался,
Выполз вновь невесть откуда.
Лишь в ромашковом наклоне
Длится тяжкая минута —
Растеклась в ее короне
Капля черного мазута...

Сон на закате

Сиял светлогóловый сын
Над глушью огорода,
Губной гармошкой подносил
Ко рту стручки гороха.
А я забыл себя да так,
Что в дреме равновесья
Разъединил меня закат
С тем, без чего не весь я.
Душа терялась в той дали,
Где облака нависли.
Там были не нужны мои
Ни горести, ни мысли,
Ни суета, ни боль, ни злость...
В беспмятство ночное
Мое — навстречу мне неслось,
А от меня — чужое.
Летел куда-то, сам не свой.
Смотрел, не слыша сына.
Он тряс меня, пока не свел
С сознанием воедино.
Осекся ветер. Я вставал —
Давила мощь земная, —
Как я ничтожен, жалок, мал,
Смущенно понимая.
Так шутит только смерть сама,
Решив познать в сравненье
С потусторонним летом сна,
Земное притяженье.

Спускается лес к моховому болотцу.
Захлюпала под сапогами трава.
И жмутся деревья, уродец к уродцу,
И, как ни спрямляем, дорога крива.

Дыра на дыре корневые подмости,
Под ними туманно сверкает родник.
Встаем на колени, сгибая березки,
И пьем до того, что немеет язык.

Наполним ведро серебристою влагой
Для свежего чая и скорой ухи.
И все это в сонме назойливо-наглой,
Зудящей, звенящей, сосущей мошки.

Тяжелое солнце запуталось в кронах.
Коричневой мглой заполнился след...
Глаза закрываю, и пляшет в ладонях
Студеного пламени тающий свет.

В комариной дымкою повитом
Сосняке, до радостного вскрика,
Поразил меня хрустальным видом
Куст обманно-дерзкой голубики.
Трепетно рассыпанные звезды,
Зыбкие зеркальные осколки...
Невзначай споткнулись мои версты,
Замерли вчерашние восторги.
Находясь в плену житейских тягот,
Путаюсь в сравнениях и мыслях
И не отвожу глаза от ягод,
От росы на мелковатых листьях.
Голубичный куст. Отсеял дождик
И свисает каплями с иголок.
Жалко, не нашел его художник,
Что махнул рукою на поселок.
Я набрел случайно и не в силах
Обойти и затеряться в лете.
Словно отвернусь от бликов синих
И забуду, чем живу на свете.

Волнение

Перешел на шепот ветер.
И волна густого зноя
Вновь обрушила на вечер
Запах мяты и левкоя.
Между луком и укропом
Тяжело увязли мысли.
Шевельнешься ненароком,
Покачнешь ночные выси.
Ты зовешь, а я не слыша,
Чую, как из отдаленья
Подступает ближе, ближе
Духота прикосновенья.
Наша робость — та же тяжесть
Зноя в вянущей одежде.
Что ни спросишь, что ни скажешь
Возвращается к тебе же.
Ходят волны не от ветра,
От меня к тебе упруго.
И столкнувшись, медлят, медлят
И проходят сквозь друг-друга

Отпуск

У паутины блеск иголки.
В июле грозы нарасхват.
И выбегают на пригорки
Цыплячьи выводки маслят.
Клубится шелест вперемешку
С пернатым ором на заре.
Иду на службу перелеску,
Грибной и ягодной поре,
Куда, заложенное в генах,
Зовет веселое родство
Из городка, где кроме денег
Не заработал ничего.

* * *

Б. Карташову

Одинокое дерево в поле
Раскачал сумасшедший порыв.
Обхватил я его поневоле,
Успокоить внезапно решив.

Зашаталась земля и небо
И в душе поселился страх:
Отпуститься от дерева мне бы,
Но едва ль удержусь на ногах.

Слишком сильно оно раскачало,
Растревожило душу мою.
И молю, чтоб оно устояло.
С ним и я на земле устою.

* * *

Издадека торопились.
А пришли и пали духом:
Валуны в реку скатились,
Обросли зеленым пухом.
Свалка лома, куча бревен...
С горьким криком сожаленья
Облетел столетний ворон
Незавидные владенья.
У воды стоим, не зная,
Можно ль вымыться-напиться:
— Вещий ворон, здесь живая
Или мертвая водица?

* * *

Ярко чувствуя закат,
Зрели капли землянично,
Где травы суставы птичьи
Перебил внезапный град.

Он лягушечьей икрой
Стекленел в зеленой луже.
Пузырилось семидужье
Над окраиной лесной.

Чтоб не праздно по селу
Не без дела прогуляться,
Начинаю собираться
На колодец посему.

Вышагну в проем дверной.
Опахнет высокой тишью.
И шмыгнет под ноги мышью
Тень от капли дождевой.

Вторят посвистам синиц
Ведро с дужек коромысла.
Гулкий свет.
Восторг без мысли.
И без грома вспых зарниц.

Я выжал колодец досуха.
Растрескались звезды на дне.
Желе тополиного пуха
Не дрогло в немой борозде.
Осталась молящая сила
В измаянном взоре — дождя.
Старуха грехи отпустила
И просьба до неба дошла.
Два дня грозовой лихверти.
Ослабли морщины на лбу.
Но стало казаться на третий,
Что ливень затопит избу.
Старуха моя причитает
И небу грозит кулаком:
Кто в милости меры не знает,
Опасно играет с огнем.
Из печки потоками сажа.
И в примусе светит дыра.
И варится, варится каша
Из дедовского топора.

Разговор

— Старший брат, ты, конечно, припомнишь яснее,
Как приехали мы в молодой леспромхоз,
Где сосновая школа и речка за нею,
А за речкою ельник в прослойках берез.
В щитовом и расшатанном вьюгами доме
Было тесно от плача, добра и обид.
Помню птиц в тополиной раскидистой кроне,
Где отцом был долбленный скворечник прибит...
— С нами бабушка нянчилась — похоронили.
Ты боялся взглянуть на нее, обормот...
— Но я помню, ведь были же праздники, были.
А какой жил в соседях веселый народ...
— Пили страшно, отец под веселую ярость
Принимался родных по двору разгонять.
Разогнал, по огромной стране разбежались.
А теперь его нет — мы собрались опять...
— А ты помнишь, как горько и слезно дымились
Папиросы в чулане, тайком от отца?
Как ушел ты из дома в осеннюю сырость?
Я все детство прождал на коленях крыльца.
А из писем узнал, что ты стал трактористом,
А потом в казахстанских степях отслужил.
Я запомнил тебя добрым и круглолицым.
Стал худым ты и хмурым, и тем удивил.
Понимаю, пора позабыть все и дальше
Поживать под веселым сияньем светил.
Только я не могу на мгновение даже
Ощутить, что отец нас с тобой не любил.
Говорят, был он смелым, недюжинной силы...
— Я же помню одно, босоногий малец,
Как бегу, задыхаясь, по уличной пыли,
А за мною бежит злой и пьяный отец...

Тысячелистник

На тысячи листьев рассыпалась осень,
А запах горчайшей травы ощутим.
Он детством затаскан,
Он с детства несносен,
А нынче, как все дорогое, любим.
Ну, что ты молчишь, моя бабушка Оля?
От страшного тифа оглохнув навек,
Стояла худая у вешнего поля,
Сщипнув по привычке молочный побег.
Не так уж и горек был слабенький стебель,
Болезнь ощущалась еще, как зима.
Была на земле ты, а плавала в небе —
И будешь ли жить, ты не знала сама.
Пускай твою жизнь не сумела разрушить,
Но тело твое помотала болезнь.
И лечь бы на свежие травы и слушать
Весенние песни — ни пить и ни есть.
А ты машинально, без надобной силы
Жевала, жевала росток, ощутив,
Как горькие соки в крови возбудили
Живой аппетит, тот, что вытравил тиф.
Впервые, от счастья, тебя не тошнило
И вера крепчала, и полдень не гас...
От тысячи хворей травы засушила,
Пошла целебным настоем и нас,
И в ночь отступала любая зараза.
И как завещала, не трогали мы
Лишь волчьего лыка, вороньего глаза
Да приторно гадких семян белены.

Трепет осиновой тени. Нападки
Ветра сгущали тепло.
Из обомшелого пня, как из кадки,
Деревце буйно росло.
И никаких человеческих знаков.
Всюду, куда ни шагни,
Лес загустел и затих, одинаков
В жути своей тишины.
Птицы замолкли. Они удивились —
Сбился с пути человек.
Только ползучие страхи змеились,
Тьмой выстилая ночлег.
Страшно и радостно. Вот середина
Пасмурных зарослей дня.
Но издалека, заблудшего сына,
Город окликнул меня.
Поезд разматывал километровый,
Прямолинейный гудок.
Вышел из чащи немой и суровый
К самым истокам дорог.
И пошагал мимо несуетливых
Изб, обступивших овраг,
Не замечая укусов крапивных,
Злобного лая собак.
Мимо старух, в чьи иконные лица
Мягко плескала листва,
Мимо колодцев, в которых водица
Век родниками жива...
Город. Поднялись навстречу кварталы.
Он загудел, замелькал,
Спешно в последний трамвай затолкал и
Снова меня потерял.

Приезжие

Поначалу думал, перемелется,
Обживусь на севере лесном...
Отсияла золотом поленница,
Потускнела старым серебром.

Только упорядочил разрозненный
Комнатный уклад, как на беду
В полночь журавель колодезный
Указал на путеводную звезду.

Ты себя отчаянно удерживал,
От домашних мысли затая.
А теперь разволновался:
Где же вы,
Как вы, среднерусские края?

Хлопотами память взбаламучена.
В слезы — бессловесная семья,
Что тобою наскоро приучена
К радостям иного бытия.

Чемоданы заново уложены.
Кружит над избою воронье.
Только лица страхом перекошены
За бесстрашье хмурое твое.

Втянул по суставам себя
Состав в нелюдимую полночь.
Глазели настилом скрипя,
Еще ото сна не опомнясь,
Как тусклый фонарь освещал
Вагонника, рельсы и гравий,
Как пялился сонный вокзал
На пеструю нашу ораву.
В пальто, с чемоданом одним,
Без кепки — забыта в вагоне,
Стоял с поколеньем своим
И я на дощатом перроне.
Зачтется родители вам,
Что против ребяческой воли
Отправили. Мой чемодан
Тяжел, словно ненависть
к школе.

Угрюмо пошли вдоль оград,
Дробя застекленную лужу.
И слово одно — интернат —
Пугало бездомностью душу.

Еще оглянись, чтобы наверняка
Понять, что уходишь последним.
Зеленый кузнечик в тени лопуха
Болтается крестиком медным.
Янтарно слезятся сучки вековых,
Пропитанных временем бревен.
А мир, что однажды сложили из них,
Не сразу поймешь, как огромен.
Чужбиною станет родная страна,
Насупишь полночные брови.
Но память о доме уже включена
В твой круг обращения крови.
Пока не истлели в углу чердака
Подробности детского счастья
Еще оглянись, чтобы наверняка
Понять, что пора возвращаться.

Приеду домой, протрезвею,
Увидев калитку в снегу
И дочку в постели, над нею
Врача. И глядеть не смогу,
Как плачет она, как вздыхая,
Хозяйка садится к столу,
Как прячется, с пухом играя,
Пугливый котенок в углу.

Огородник

Огороды пышно вскопаны.
Май обвеял, дождь полил.
И сапог, налево стоптанный,
О лопате позабыл.
Засинели вскоре самые
Долгожданные из дней,
И полезли всходы слабые,
С непривычки побледнев.
Поливал, ведром позванивал.
Как с начинкой торфяной
Огород —
Его призвание —
Страсть с горчинкой деловой.
Сам и сам,
С утра до вечера
То к цветам, то к огурцам.
Дочь помочь хотела.
— Нечего
 трогать саженцы,
Я сам!
Чем, когда его обидела
Жизнь былая?
Нежность вся
И любовь, какой не видела
Даже смирная семья,
Отданы возне с укропом и
Помидорами чуть свет...
Подойдет жена с упреками —
Дед он во сто шуб одет.

Голубичной ягодой лежало
Озеро на дне березняка.
Проливными листьями качала
Мятная одышка сквозняка.
Рвались комаринные потемки
На границе с трассой вихревой.
Поезда стучали в перепонки,
Вертолет висел над головой.
Нет очарования в пейзаже,
Где стыдливо прячет комбинат
Выбросы невозмутимой сажи,
Стоки, источающие ад.
Все острее, все нерастворимей
Ощущаю накопленье зла
В рыжиках под сохлюю рябиной,
В речке, что дремотой зацвела.
Я воспитан бережной любовью
К северной безропотной земле.
Машет переливчатой листвою
Лето

и на сердце веселей.

Отлучи от дружества лесного
И живи в тревогу суматох,
Затоскую,

брошу оземь слово —

И ему откликнется росток.

Еще

Еще бобы набиты ватой,
Еще с оглядкой вороватой
Туманы пятятся к реке.
И след подушки на щеке.
Еще наполовину с пухом
Они

и пополам с испугом
Восторг —

предвестье перемен.

И сам не ведаю, как нем.
Еще горит в глазах веселых,
Заместо солнышка, подсолнух
И в ячехах его пока
Не семя — капли молока.
Еще роса студеней градин.
Еще самим собой не найден.
И в лес зовущая судьба
Всего лишь навсего тропа.
Еще хотят деревья сами
Моими зеленеть глазами,
А слово под ноги упав,
Рассосано корнями трав.
И нету боли без причины.
И от былинки до былины
Тысячелетний путь лежит.
И он еще не пережит.
А день сияет пересвистом,
Неясным,

но понятным смыслом.

И, необдумав, сделал шаг.
И ветер засвистел в ушах.

Гадюка — пружина в ажурном чулке,
Извилистый след на горячем песке,
С шипеньем втекла под коряги и мох.
И ты ее больше увидеть не смог.
Лишь чуял в траве растворенную жизнь,
Опасность в сыром шелестении, лишь
Тревожной к реке запетляла тропа.
Да капля холодного страха со лба.
Но в трепетном мире и ты растворен,
И к жизни тем начисто приговорен,
А встречи случайной недетский испуг,
Как пух отлетел от ликующих губ,
Когда, воспарив над речной синевой,
В плескучее солнце вошел головой.

СТЫД

Меня лет до шести
Купали в женской бане.
Я бросил ключ в кусты
От тех воспоминаний.
Дурманил мыльный пар,
Запоминало детство
Неспешный ведьмин бал,
Русалочное действие
И хохот у виска,
И волосы в охапке.
Тойка была кишка
Спротивляться бабке.
Наслышался тогда
Смешков о елках-палках,
Горел как от стыда
От взмыленной мочалки.
И до сих пор молчал,
Родных не беспокоя,
Покуда не узнал,
Что не один такой я.
Как заведут друзья
С подробностями были...,
Мне сразу ест глаза
Хозяйственное мыло.

Снег

Пусть школа без меня зубрит свои уроки.
Я в снегопад забрел и путь назад забит.
А снег летит, то вдоль,
То поперек дороги,
То, стоя, засыпает,
То, падая, стоит.
Не выйти никуда из чащи снегопада.
Ни дома, ни беды, ни славы не видать.
И все-таки душа потерянности рада,
Однажды обрета, ее не потерять.
Я вырос из него давно,
Но только стоит
Закреть глаза, как он тоской охолодит
И встанет надо мной до звезд.
Но только стоит
Открыть глаза —
Во мне дремучий снег валит...
Как шубу снег стряхну у позднего порога.
Скучна квартира и полудремотна мать.
И на меня глядит внимательно и строго.
То ль ей меня, то ль мне
Родимой не понять.

Яблоня

Еще мальчишкой посадил
Перед отъездом деревце.
Притопал землю и полил.
И снится — цветом пенится,
Стучится веткою в окно,
Парит весенним облаком.
Хотя пора давным-давно
Присниться первым яблокам.

Верба

Снег отступил и залег
За ивняковым валом.
Скоро растает и лед —
Дело стоит за малым.
Он уцелел в холодке —
Долго ненастье злилось,
В облаке, шилом в мешке,
Яркое солнце таилось.
Птицы озвучили лес.
И под окошко утром
Верба спустилась с небес
Солнечным парашютом.

Туча

Как ты меня отыскала?
Не обошла стороной,
Тяжко на плечи упала
Ливнем, обидой, виной...
Бабка моя помирала
В сером топорном дому.
Что перед смертью желала,
Не услышать никому.
Слабая наледь на соснах.
Шелест бересты в лесу.
Я упираюсь спросонок,
Сопровствуюсь всюю.
— Мам, я боюсь ее видеть!
— Ах, ты, сопляк, погоди!
Мать не хотела обидеть,
Сильно толкнула, иди.
Сопровствуюсь и вою,
Даст подзатыльник — бегу.
Разве я знал, что живую
Бабку застать не смогу.
Тридцать безгорестных весен,
После прогорклой весны
Жил, то смирен, то несносен,
Не понимая вины.
Будто в потемках плутала
Злая ребячья душа...
Как ты меня отыскала?
К грешному сердцу припала,
Выплакалась и ушла

Ель

Осанистая ель,
Живая форма башен,
Которыми украшен
Не только русский кремль.
В ней готика и в ней
Верхи китайских пагод...
Влезал в густую память
По лесенке ветвей.
В ней испокон живет
Тех кадров вереница,
Где взмахивает птица,
Идущая на взлет.
Шныряли в рукавах
Клесты без передышек,
И шел от свежих шишек
Медовый перезвьяк.
А зацвёл апрель,
И в сумерках весенних
Огромный муравейник
Высиживала ель.

Петух

Капель проклевала сугробы.
И куриц, затворниц зимы,
Уже выпускают для пробы
Парной огородной земли.
Захлопали, громко кудахча,
Теряя засиженный пух.
Вот-вот полетят, не иначе.
И только степенный петух
Стоял удивленно и немо,
Склоняясь над талой водой.
Он пил, будто сравнивал небо
То — в луже, с тем —
над головой.

Аллергия

Зеленый день от влаги разбух.
Запах весомым, сытым, земным.
Поднялся пар, похожий на пух,
А после пух, похожий на дым.
Как он прилипчив, хотя ленив.
Как вездесущ, хотя и не бес.
На раздраженно-крутой порыв
Он взвинчивается до небес.
Смываю, сшипываю и жгу,
А он за мною, как некий дух...
Куда укрыться?

Домой вбегу —
Со стула вежливо встанет пух.

Реже хвойный подшерсток,
Гуще травы и сплошь
Земляника с наперсток —
Разве мимо пройдешь!
Зачерпну и помчусь я
От соблазна, пока
Светит сетка паучья
Лунным срезом клубка.
Не от детства,
за детством,
Отставая, бегу.
Небо вьется над лесом
И впадает в реку.

Первые

Любили, пели, голодали.
А вырос город, улеглась
Та буря стройки молодая,
Что комсомольскою звалась.
Дома обшиты зимним мехом.
Но заселяют этажи
Те, кто по вызову приехал,
Не по велению души.
А первые, о лучших благах
Мечтая, памятью живут
В продутых временем бараках,
Кляня беспомощный уют.
Им вспоминаются палатки
И гул работы дотемна.
Они помчались без оглядки,
Куда их позвала страна.
О ней лишь думали вмерзая
В землистые развалы дней,
О ней — холодный хлеб глотая,
Раскатывая лес — о ней!
В них и сейчас до черта веры
В года свершений трудовых...
Вхожу в приветливые двери
Судеб — квартирок щитовых.
Обои, снимки, на ладони
Дитя, дорожки на полу
И друг брезентовых бессониц,
Гитара дряблая в углу

Преодоление

Млечная пыль и древесные брызги.
Дисковых пил диковатые взвизги.

Режет хлысты с перебранкой бригада.
Вздрагивал ты и стоял угловато.

Липкий испуг оковал тебя властно.
Завтрашний друг усмехается: Страшно?

Лязгает цепь, крошит горькую кору.
Не утерпеть, развернуться и деру.

Но посмотри, как твои ж одногодки
В спорах остры и в движениях четки.

Хоть невтерпеж от набатного пульса,
Тяжко, а все ж промолчал, улыбнулся,

Ветра вдохнул: Понемногу привыкну,
Весь этот гул я еще перекрикну.

Первые дни потерпеть вам придется —
Пусть тишины на душе наберется.

Бездорожье

Водитель простуженно клял бездорожье,
Мальчишка, мазутная гарь над губой.
Саднило прервать его: будь я моложе,
С тобой безоглядно б махнулся судьбой.
Распутица схлынет и тяжкие версты,
Где лед на подъеме и грязь до ушей,
Опять окрылят бесшабашьем и звезды
Забрызгают стекла дорожных ночей...
И тут под машиной разверзлось болото,
С небес на кабину обрушился вал
Тяжелой воды...

— Сволочная работа!

Как он разразился! Как я замолчал!
Мы выбрались к ночи. И снова несемся.
Но доброе что-то наладилось в нас:
То вдруг ни с того ни с сего засмеемся,
То примемся клясть бездорожье враз.

РЕМОНТНИК

Как выплеснет тени из леса
За кромку дороги, лютей
Нам жалит ладони железо
Угlastых ремонтных ключей.
Звучат в разговорах запчасти,
Иные — сломаешь язык.
И суть их названий, отчасти,
А может совсем не постиг.
Не все понимаю толково.
И часто в пылу суеты
Полезу в карманы за словом,
А там лишь ключи да болты.
Тягач загремит башмаками,
Посыплются гайки с небес...
И я ухожу за словами,
Как в энциклопедию, в лес.

Стужа

Суховатая, вязкая стужа.
И размашистый ветер весом.
Под широкой подошвою лужа
Звучно хрулнет
Капустным листом.
Лесовоз, под вязанкою сосен
Приседая,
Давнет на басы
И окатит пахучим морозом
Так, что иней облепит ус...
Гул машин,
Горечь дыма и пота,
Горьковатый, прокуренный смех...
Но притихнет
В ремонтном работа,
Как повалит неслыханный снег.
Тяжело, светоносно и зыбко.
И привыкнуть к нему не успев,
Мы столпимся в дверях без улыбки,
По-мальчишески оторопев.

* * *

Молчаливо вытерпишь
До потемок стылых,
Из кармана вычерпнешь
Пригоршню опилок.
Ватником размашисто
Хлопнешь о перила,
Чтобы выбить начисто
Дух древесной пыли.
В теплый гам автобуса
Втиснешься азартно —
Даль большого отпуска
Распахнется завтра.
От ее огромности
В толчее вокзальной
Холодок бездомности,
Суетность желаний:
По волнам на катере?
По музеям — в Питер?
Но сначала к матери.
Сколько лет не видел?
Сколько лет за строками —
Живы ли, здоровы?
Слышу одинокое:
— Плохо без коровы...

Дрова

Не успеем, не осилим —
Дружно думали сперва,
До потемок не распилим
Суковатые дрова.
Но бензопилой зубастой
Брату править не впервой:
Выхлоп горечи вихрастой,
Золотых опилок рой.
Оглушительные кряжи
Складываю в стороне
И не удивляюсь даже,
Что они по силам мне.
От сосновых крошек ало.
И прозрачная луна
Красноватым срезом стала
Предпоследнего бревна.
И казалось больше сдюжим,
Завершая дело в срок.
Но когда пилу заглушим,
Тишина повалит с ног.

* * *

Сама бежала под колеса
Дорога.
А из-под колес
Взрывалась облаком мороза
И настигала лесовоз.

Бесилась,
Вьюгою металась,
Расплатой бредила вдогон.
Но утихала боль и ярость.
И оглушал дорогу сон.

Ей снилось —
Тишина лесная,
В заглохшей колее цветы.
И человек стоит, не зная,
В какую сторону идти.

* * *

Наш лесокombинат,
Прижатый к перелеску,
Заполнил снегопад
С опилом вперемешку.
Дороги в полверсты
Хватает, чтобы чутко
И твердо обрести
Утраченное чувство
Ремонтной толкотни
И утреннего гула.
Я сам просил — верни.
И жизнь меня вернула
В привычную среду.
Под цеховые крыши
Я знал, что не войду
Каким когда-то вышел.
И в суматохе дня
Однажды затоскую.
Окликнут не меня —
Я оглянусь впустую.

* * *

Бригада ушла.
Недостроила дом.
Заныла душа —
Цемент под дождем.

Он лить поливать,
Неделю подряд.
А всем наплевать,
Крепись, говорят.

Звонил и кричал.
К начальству ходил.
Посмешищем стал,
Горяч был — остыл.

Измаясь на нет,
Скрепился в тоске,
Как мокрый цемент
В бумажном мешке.

Что творится, обидно до жути!
Лес, разложенный по штабелям,
Раскатали угрюмые люди.
Затаилось зверье по углам.
И глядит настороженно дерзко,
Как стальной удавкой обвив,
Кран наклонится, полперелеска
В гулкий короб вагона сложив.
Все мне чудятся в дымке бесплотной
Привидения диких зверей,
Что могли бы оравой вольготной
Жить и жить в глухомани моей.
Вот опять, головами мотая,
За составом в клубах пылевых
Пропадает бездомная стая
Косолапых, сохатых, косых...

Южанин

Вернется от щедрой родни,
Рукою махнув на расспросы,
Багаж распакует: взгляни! —
Янтарно горят абрикосы.
А что среди наших болот? —
Грибы, голубика, морошка.
Он мягкую грушу берет,
Румяную, словно матрешка.
Он сливу посмотрит на свет
И дыню в руках приголубит.
На солнечном Севере нет
Того, что морозов не любит.
И вдруг затоскует узбек,
Вот-вот даст обратного ходу,
Кляня среди августа снег,
А в мае сырую погоду.
Но скоро раздарит плоды,
О южной родне призабудет.
Поедем часам к девяти
В рабочие заросли буден.
Спрошу в перекуре опять:
Не тянет в края винограда?
Смеется, чтоб там отдыхать,
Работать на Севере надо.

* * *

Умер в кабине —
Сердце свело.
Трактор неистово затрясло.
Бешеным ревом смял тишину.
Широколобо уперся в сосну.
Словно от горя кричал навзрыд.
Крепкую землю траками грыз.
Кто же услышит, кто же поймет,
Кто же на голос железа придет?
Дернулся гневно —
Сосны в упор.
И задохнулся горячий мотор ...
Тихой тревогой пахнуло в лицо.
Мы не успели,
Но поняли все.

Одуванчики

В марте оттепели марки,
Яркодробней пересверк.
Брызгами электросварки
Глубоко засеян снег.
Как ветра ни крутолобы,
Сквозь железо и мазут,
Где сойдут на нет сугробы,
Одуванчики взойдут
Золотые, как ожоги,
Белые, как волдыри.
И прибавят нам тревоги
За раззор и пустыри —
Ненасытную работу
Предприятий по Оби,
Превращающих природу
В тонны, метры и кубы.

Петропалыч

Поковку выхватив клещами,
Протянет шустро: прикури!
И грянет молот между нами
С рабочим воздухом внутри.

Торчит из рукавицы палец.
По бороде струится пот.
— Пора на свалку, Петропалыч, —
Сам о себе кузнец вздохнет.

Не тронет белая остуда
Души, просвеченной огнем,
Покуда опыт и причуда
Чертовски колобродят в нем.

Хрустят окалинные хлопья
Под весом силы озорной...
Но глянул вечер исподлобья
На дыма посвист искровой —

Пора! И что куда девалось?
Погас огонь и рыжий бог
Снимал, как тяжкую усталость,
В дверях зажав, тугой сапог.

* * *

Зрела туча. Вызрела.
За плечом твоим
Суматошно брызнула
Ветром крупяным.
Простучав по ватнику,
Накидала вмиг
В пригоршню напарнику
Зерен ледяных.
К полудню отсеется.
Замолчит тайга.
Не пройдет и месяца,
Как взойдут снега.
Станет тишь березова,
Станет в холода
В башмаках бульдозера
Замерзать вода.
И входящим в инистый,
Белохвойный край,
Ель навстречу вынесет
Первый каравай.

Растет муравейник, как время в песочных часах,
Капризней звенит комариная взвесь полумрака.
Когда-то хотел, не на деле еще, на словах
Уехать от леса — от боли, обиды и страха
За лепет наивной листвы, тишину над гнездом,
За тысячи троп, потерявших искателей счастья,
За гибельный шаг лесорубок...

Да кто же о том

Вовсю не кричал, но до правды не мог докричаться!
Когда я родился в березово-хвойном краю,
Там не было леших уже, водяных и кикимор.
Весной с глухарями встречал молодую зарю,
Был радугам рад и цветам, без которых бы вымер.
Нет, не исходить до конца и до дна не допить
Мою, разнотравьем и птицами полную чашу,
К тому же сам лес начинает, мужая, молить,
Шуметь о спасенье моем,
о собрате своем по несчастью.

СОДЕРЖАНИЕ

«Поезд на Север...»	3
Болото	5
«Листья для последнего помола...»	6
Карликовые березы	7
«Как шарик термометра...»	8
«Снова с августа, почти...»	9
Четыре осени	10
«Закат добавил меди...»	12
«Озеро дымчато...»	13
Приятель	14
«Из лета, бродя налегке...»	14
Небо	15
«Дом вздрагивал, вполголоса...»	15
«Если ржавый гвоздь посеребрен...»	16
«Душа не спит, а волком воет...»	16
«Этой женщине за сорок...»	17
«Упругие потемки...»	18
Бобыль	19
Санаторий	20
«Молния слепяще разорвала...»	20
«На отмели малька...»	21
«Ночь стоит на полуслове...»	21
Железо	22
Сапер	23
Голос	24
«— Вы рабы и ваше место на погосте...»	24
«Крестьяне, мещане, дворяне...»	25
Вождь	26
Чужая память	27
Инвалид	28
Улица	29
«В столичной толкотне...»	30

«Вращаясь циркуляркой...»	30
Москва	31
«Июнь и юность...»	32
Тропа	36
Ал. Губанову	37
Примирение	38
«Свернул за угол в белый сполох...»	38
«Сомкнулись берега...»	39
Зимние письма	40
«Скомкаю лист – невеселая проза...»	41
«Засвистят осины...»	41
«С лопаты снег – охапки дыма...»	42
На даче	43
«От молвы, от суматохи, от семьи...»	44
У костра	45
«Такой мне сон вчера приснился...»	46
Евг. Вдовенко	47
«Забреду из предвечерья...»	49
«Безногий дед сидел на берегу...»	50
«Ушел побежденным, приник...»	50
«Охотился на зверя...»	51
«Покуда птичий гам...»	52
«Морозило, морозило...»	53
«По весне идет последний снег...»	54
Маневровый	55
Ранняя весна	56
Сумерки	57
«Зима, едва в подлеске синем...»	57
Половодье	58
Художник	59
Частушка	60

«Пропал с головою в траве...»	61
«Как ни часты дожди...»	62
«Зной, разорванный составом...»	63
Сон на закате	64
«Спускается лес к моховому болотцу...»	65
«В комариной дымкою повитом...»	66
Волнение	67
Отпуск	68
Б. Карташову	69
«Издалека торопились...»	69
«Ярко чувствуя закат...»	70
«Я выжал колодец досуха...»	71
«На коленях крыльца помолчим...»	72
«Когда припомнятся печали...»	72
Разговор	73
Тысячелистник	74
«Трепет осиновой тени...»	75
Приезжие	76
«Втянул по суставам себя...»	77
«Еще оглянись, чтобы наверняка...»	78
«Приеду домой, протрезвею...»	78
Огородник	79
«Голубичной ягодой лежало...»	80
Еще	81
«Гадюка — пружина в ажурном чулке...»	82
Стыд	83
Снег	84
Яблоня	85
Вербя	85
Туча	86
Вечер	87

Ель	88
Петух	89
Аллергия	90
«Реже хвойный подшерсток...»	90
Первые	91
Преодоление	92
Бездорожье	93
Ремонтник	94
Стужа	95
«Молчаливо вытерпишь...»	96
Дрова	97
«Сама бежала под колеса...»	98
«Наш лесокombинат...»	99
«Бригада ушла...»	100
«Что творится, обидно до жути!»	101
Южанин	102
«Умер в кабине -...»	103
Одуванчики	104
Петропалыч	105
«Зрела туча...»	106
«Растет муравейник...»	107

Владимир Волковец
ВСТРЕТИМСЯ В АВГУСТЕ...

Стихи

Гл. редактор *Н. И. Печенёва*
Редактор *А. П. Новикова*
Тех. редактор *В. Ю. Григорьев*

Сдано в набор 03.03.94. Подписано в печать 01.07.94.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Условных печат-
ных листов 7,0. Тираж 1 000 экз. Заказ № 806

Лицензия ЛР № 070152 от 01.10.91.
Издательство «РИО»
филиал редакционно-издательского объединения
627720, г. Югорск
Ханты-Мансийского автономного округа,
ул. Ленина, 41.

Типография АОТ «Полиграфист» Цех № 4,
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 20

ВСЕГДА РАДЫ
СЛУЖИТЬ ВАМ!

Спонсор книги:

ФИЛИАЛ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
БАНКА ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРА
(п. Советский, ул. Макаренко, 2)

т. 3-33-24
директор

— Кредиты на производ-
ство и коммерческие цели.

т. 3-27-76
бухгалтерия

— Любые безналичные
и наличные операции
с валютой

т. 3-31-59
*кредитный
отдел*

— Высокие дивиденды
за хранение денежных
средств

т. 3-28-82
*коммерческий
директор*

— Бесплатное обслужи-
вание.

— Прочие необходимые
виды услуг для клиентов.

С ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬЮ
И УВАЖЕНИЕМ!